

Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ; руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Секераж Т.Н., кандидат юридических наук, доцент, заведующая лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (sekerazh@yandex.ru)

Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» предусматривает уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении (ст. 110.1 УК РФ), а также за организацию деятельности, направленной на побуждение граждан к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). Оба дополнения к УК РФ включают использование публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сеть «Интернет»). Возникают новые правовые последствия, значимые для судебно-психологической экспертизы, связанной с суицидом. В статье анализируются юридически значимые ситуации (доследственная проверка материалов и доведение до самоубийства), определяющие предмет судебно-психологической или психолого-психиатрической экспертиз как психическое состояние подэкспертного в период, предшествовавший самоубийству (смерти). Законодательные нововведения требуют применения специальных знаний в психологии и лингвистике. Одним из предметов психолого-лингвистической экспертизы является направленность информационного материала (текстового, изобразительного, совокупности вербальной и невербальной информации) или коммуникативной деятельности субъекта на побуждение адресата к совершению самоубийства. Формулируются возможные вопросы к экспертам-психологам.

Ключевые слова: самоубийство; суицидальное поведение; содействие

совершению самоубийства; побуждение к совершению самоубийства; посмертная судебно-психологическая экспертиза; комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 33-45. doi: 10.17759/psylaw.207070203

For citation:

Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: judicial-psychological examination. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.33-45. doi: 10.17759/psylaw.2017070203

В последние годы в Российской Федерации возрастает количество самоубийств несовершеннолетних, в том числе – совершенных под воздействием средств массовой информации. Эта проблема активно обсуждается журналистами, психологами, психиатрами, юристами [3; 7; 11; 14; 18; 19]. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству. Введен в действие Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению», в котором установлена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении (ст. 110.1 УК РФ), в частности за «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации». Квалифицированный состав преступления включает те же деяния, совершенные: в отношении несовершеннолетнего; в публичном выступлении, в публично демонстрируемом произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Также введена уголовная ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение граждан к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, в том числе – сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») (ст. 110.2 УК РФ). Речь идет об ответственности для администраторов так называемых «групп смерти» и организаторов любых неформальных сообществ в сети «Интернет», деятельность которых направлена на побуждение к совершению самоубийства¹.

¹ <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71592260/#ixzz4jyumuW3NN>.

В результате законодательных нововведений возникает еще одна юридически значимая для судебно-психологической экспертизы (СПЭ), связанной с суицидом, ситуация, особенностью которой являются ранее не существовавшие уголовно-правовые последствия.

В связи с этим актуальным является анализ уже существующих видов судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических (КСППЭ) экспертиз, связанных с самоубийством. На сегодняшний день проблема таких СПЭ и КСППЭ крайне запутана. Расходятся мнения о предмете данного вида экспертизы, в зависимости от этого разные исследователи предлагают отличные друг от друга формулировки вопросов, которые следственные и судебные органы должны ставить перед экспертами. Это связано, в первую очередь, с тем обстоятельством, что судебные экспертизы по факту суицида или возможного суицида имеют различные правовые последствия в зависимости от того, какая юридически значимая ситуация обусловила потребность в назначении экспертизы.

Одним из первых о такой СПЭ писал М.М. Коченов еще в 1978 г.: «В следственной и судебной практике встречаются случаи инсценировок под самоубийства и сознательного доведения до самоубийства. Именно с этими двумя категориями уголовных дел мы связываем главные перспективы развития посмертной судебно-психологической экспертизы... Основная задача посмертной судебно-психологической экспертизы сводится к тому, чтобы ответить на вопрос, было ли психическое состояние человека... в период, предшествовавший смерти, предрасполагающим к самоубийству и, если оно таковым было, чем это состояние вызывалось» [6, с. 29].

И.А. Кудрявцев, обсуждая КСППЭ по факту самоубийства, отмечал: «На основании исследования содержащихся в деле данных о личности, психическом состоянии и их динамике эксперты должны решить две основные задачи: имелось ли у лица, по следственной версии (предположительно) покончившего жизнь самоубийством, в период, предшествовавший его смерти, психическое состояние, предрасполагающее к самоубийству; каковы причины развития этого состояния» [8, с. 143].

Таким образом, были выделены три различные ситуации, явившиеся поводом назначения судебной экспертизы: 1) убийство, «замаскированное» под самоубийство; 2) доведение до самоубийства; 3) проверка версии о самоубийстве. Вышеназванные авторы солидарны в том, что в компетенцию эксперта-психолога входят два вопроса: 1) Имелось ли у подэкспертного психическое состояние, предрасполагающее к самоубийству? 2) Если было, то каковы причины возникновения и развития этого состояния?

Аналогичной позиции придерживались и многие другие исследователи.

Один из авторов настоящей статьи [15; 16; 17], пришел к выводу, что когда у следственных органов нет четкой уверенности в том, что имел место факт самоубийства (а не убийства или несчастного случая), заключение эксперта играет важную роль для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность суицидента. Но в таких случаях недопустимо использовать экспертные выводы в качестве доказательства при определении рода смерти. Например, человек может находиться в депрессии, высказывать суицидальные мысли и намерения и именно в этот промежуток времени стать жертвой убийства (отравления, повешения и т. д.). В данном случае использование заключения эксперта о наличии, например, депрессивного состояния у подэкспертного, сопровождавшегося суицидальными мыслями и намерениями, в качестве доказательства

того, что он действительно совершил самоубийство, будет несомненной судебной ошибкой. Исходя из сказанного, предпочтительнее назначать судебно-психологическую экспертизу при наличии доказанности факта самоубийства. Предметом СПЭ или КСППЭ в этом случае будет психическое состояние суицидента в период, предшествовавший самоубийству (при недоказанности самоубийства: в период, предшествовавший смерти).

В работе Т.П. Печерниковой, Т.Н. Туденовой [12] также подчеркивалось, что в ситуации сомнений следствия в том, имел ли место суицид или же это было убийство, замаскированное под самоубийство, вопрос о наличии «суицидоопасного состояния» (психического состояния, предрасполагающего к самоубийству), является неправомерным. Универсальным предметом исследования КСППЭ, по их мнению, независимо от обстоятельств уголовного дела, является «психическое состояние лица в пресуициде». При квалификации доведения до самоубийства, по мнению данных авторов, необходимо задавать вопрос и о способности подэкспертного осознавать значение своих действий и руководить ими.

Согласно действующему законодательству, мы можем выделить несколько юридически значимых ситуаций, касающихся ситуаций, связанных с самоубийствами. Они различаются правовыми последствиями, и, соответственно, предметами судебно-психологического экспертного исследования.

Первой такой ситуацией можно считать проверку сообщения о преступлении как одного из элементов порядка рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ). До введения в действие Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа могли привлекать психолога или психиатра для выяснения вопросов, входящих в их компетенцию, при доследственной проверке лишь в непроцессуальной форме [21]. Современная редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет на этой стадии назначать посмертную судебную экспертизу. Поводом назначения судебной экспертизы в данном случае является проверка гипотез органов дознания или следствия об убийстве, суициде или несчастном случае. В первом случае возбуждается уголовное дело, во втором – предстоит дополнительная проверка возможного доведения до самоубийства.

Естественно, что для подтверждения предположения о самоубийстве в этой ситуации (так же как при возбужденном уголовном деле по убийству, «замаскированному» под самоубийство) заманчиво получить от экспертов ответ на вопрос о наличии у подэкспертного *такого психического состояния, которое предрасполагало бы к самоубийству*. На наш взгляд, такой вопрос является некорректным. По мнению ведущих суицидологов [4; 20], между психическим состоянием человека и самоубийством как действием, поступком, существует только вероятностная связь – не существует таких психических состояний, которые неизбежно приводили бы к суициду. В любом кризисном состоянии один человек расположен к аутоагрессии, другой – к внешней агрессии, третий – к поиску конструктивных путей выхода из сложившейся ситуации и т. п. Иными словами, количество вариантов личностного реагирования на конфликтные и фрустрирующие воздействия, даже при наличии суицидальных мыслей и намерений, достаточно большое [16]. Поэтому трудно оценивать какое-либо психическое состояние человека как предрасположение к самоубийству. Д.А. Леонтьев, в частности, отмечает, что депрессия нередко ведет к активизации суицидальных мыслей, но связь депрессии и суицидальных

действий не столь однозначна: известны данные, когда применение антидепрессантов приводило, напротив, к активизации суицидальных действий [10].

Следующая причина, по которой мы считаем постановку данного вопроса перед экспертами неправильной, является высоковероятная возможность ошибочного решения органов дознания или следствия о нецелесообразности возбуждения уголовного дела при экспертном решении о предрасполагающем к суициду психическом состоянии подэкспертного. К примеру, в коммунальной квартире проживает человек, страдающий алкоголизмом, который потерял работу, от него ушла супруга, отвернулись дети и другие близкие. У него есть сосед, желающий расширить свою жилплощадь: его семья обеспечена общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее нормы предоставления. Этот сосед осуществляет отравление подэкспертного. На стадии доследственной проверки свидетели показывают, что подэкспертный постоянно был в подавленном состоянии, говорил о потере смысла жизни, неоднократно высказывал суицидальные намерения. Согласно медицинской документации, он находился в состоянии депрессии. В этом случае судебно-экспертная оценка его психического состояния как предрасполагающего к самоубийству может привести к отказу от возбуждения уголовного дела, т. е. к следственной ошибке.

Поэтому, с нашей точки зрения, в данной юридически значимой ситуации в компетенцию экспертов – психологов и психиатров входит только вопрос о психическом состоянии подэкспертного лица в период, предшествовавший смерти. Можно формулировать вопрос и о его индивидуально-психологических особенностях. Ответы на эти вопросы имеют важное значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела, в то же время не определяют вывод органов дознания или следствия о факте самоубийства.

Вторая юридически значимая ситуация определяется доказанностью факта самоубийства и следственными или судебными действиями по поиску доказательств того, что суицид потерпевшего произошел вследствие каких-либо действий обвиняемого (подсудимого). При этом следствие обычно сталкивается с проблемой квалификации статей Уголовного кодекса. Во-первых, это квалификация ст. 110 УК РФ: «Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Во-вторых, п. «б» ст. 63 УК РФ: обстоятельством, отягчающим ответственность, признается «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления». Как показывает практика, чаще всего объектом экспертного исследования становятся потерпевшие по делам об изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера, совершающие суицид, когда самоубийство потерпевшего оценивается как одно из тяжких последствий преступления. «Тяжесть последствий» является оценочным признаком. Вопрос об отнесении конкретных последствий преступления к категории тяжких решается судом с учетом всех обстоятельств дела. Эти последствия могут выражаться, в частности, в самоубийстве потерпевшего.

И в том, и в другом случае основной целью следствия или суда при квалификации деяний по этим статьям является получение доказательства наличия или отсутствия причинно-следственной связи между действиями обвиняемого (изнасилования или таких действий, которые подпадают под определение «угрозы, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства») и фактом самоубийства потерпевшего лица.

Исходя из этого, при назначении СПЭ или КСППЭ имеют значение два вопроса: 1) В каком психическом состоянии находился потерпевший в период, предшествовавший самоубийству? 2) Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или такие действия, которые квалифицируются как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и возникновением и развитием психического состояния потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?

Ответ на второй вопрос имеет решающее значение для квалификации деяния по ст. 110 УК РФ или определения особо тяжких последствий, наступивших вследствие преступлений против половой неприкосновенности. В то же время установить такую причинно-следственную связь возможно далеко не всегда. Во-первых, из-за недостаточности материалов уголовного дела: например, при импульсивных суицидах аффективного генеза отсутствует подробное описание пресуицидального состояния. Во-вторых, из-за особенностей самого психического состояния: к примеру, при реактивных депрессиях такую связь определить возможно, а при эндогенных – затруднительно; при психозе аутоагрессивные действия могут быть как следствием бредовых переживаний, так и реальной психотравмирующей ситуации, связанной с действиями обвиняемого. Именно поэтому эксперты не могут говорить об отсутствии искомой связи – их ответы должны ограничиваться либо указанием на такую связь, либо мотивированным обоснованием на невозможность ее установления.

Менее удачна формулировка второго вопроса в таком виде: «Каковы причины возникновения этого состояния?», поскольку причин развития пресуицидального состояния может быть много (например, у потерпевшей по делу об изнасиловании, кроме психотравмирующего характера действий обвиняемого, причиной может быть осуждающая позиция родителей, насмешки сверстников и др.), а суд интересуется только одна – уголовно значимые действия обвиняемого.

При назначении судебных экспертиз по фактам самоубийства нередко формулируются ошибочные или не входящие в компетенцию психологов и психиатров вопросы [16]. Остановимся только на одном из них.

Как указывалось выше, довольно часто задают вопрос о способности подэкспертного лица в момент самоубийства осознавать значение своих действий или руководить ими. Т.П. Печерникова и Т.Н. Туденева [12] обосновывают необходимость формулирования данного вопроса тем, что принуждение к самоубийству лица, заведомо не способного осознавать значение своих действий и руководить ими, следует расценивать как убийство. Аналогичную позицию разделяют и некоторые юристы, включая в круг лиц, не способных к осознанно-волевой регуляции своих действий, не только лиц с психическими расстройствами, но и несовершеннолетних [1; 13]. Несмотря на такой доктринальный взгляд, в судебной практике он не реализуется: суды всегда квалифицируют в таких случаях деяния по ст. 110 УК РФ [7]. Даже если когда-нибудь судебная практика изменится, вопрос о способности к осознанию и руководству своими действиями необходимо будет конкретизировать в отношении юридически значимых периодов. Одно дело, когда фактически недееспособного человека с выраженной умственной отсталостью или малолетнего ребенка подстрекают сунуть пальцы в розетку, и он погибает от удара током (это возможно расценить как убийство), другое – когда у потерпевшего вследствие систематического унижения человеческого достоинства возникает психоз реактивного

генеза, и он в момент совершения самоубийства не может осуществлять осознанную регуляцию своих действий (случай доведения до самоубийства). Не случайно в обсуждаемом в настоящей статье Федеральном законе самоубийство лица или покушение на самоубийство вследствие склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства (в том числе несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) не считается убийством и наказывается лишением свободы на срок до шести лет.

Третья юридически значимая ситуация возникает вследствие принятия Федерального закона от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ, согласно которому в Уголовный кодекс вводятся новые статьи – 110.1 и 110.2 УК РФ. Уголовно-правовое значение имеет категория *деятельность, направленная на побуждение к совершению самоубийства*. В отличие от склонения к самоубийству путем «уговора, подкупа, обмана», которые доказываются традиционными для следствия и суда средствами, «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации» (ст. 110.1 УК РФ) и «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства» (ст. 110.2 УК РФ) представляются понятиями, требующими применения специальных знаний в психологии и лингвистике. Установление направленности текста (информационного материала) является достаточно разработанным видом комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы (КСПЛЭ) по делам о публичных призывах к осуществлению экстремисткой деятельности (ст. 280 УК РФ), о возбуждении ненависти или вражды, а равно унижении человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и некоторых других [5; 9].

Информационный материал можно понимать в широком смысле как текст, содержащий вербальные (словесные) и невербальные, в т. ч. паралингвистические компоненты. Информационный материал включен в обмен информацией между коммуникантами, партнерами по общению, в коммуникативную и социальную деятельность субъектов. С этой точки зрения информационный материал является коммуникативной единицей. Исследованию подлежит заложенное в информационном материале сообщение (его смысл и направленность). Обычно при проведении КСПЛЭ устанавливается значение текста (материала), состоящее из содержания и цели речевого или коммуникативного действия. Лингвистический компонент значения текста – это общепринятый, устойчивый, в той или иной мере отражаемый в словарях и лингвистических описаниях способ понимания языковых средств, которые автор выбрал для выражения своей мысли. Его анализ позволяет установить, что сказано (сообщено) в тексте и какими средствами. В то же время информационный материал всегда имеет свою направленность, цель коммуникативного действия. Направленность сказанного (сообщенного) определяется психологами. Психологический компонент значения выражается через позицию автора (его точку зрения на затрагиваемую проблему, его отношение, установки) и те установки, на формирование которых у адресата направлено сказанное: почему и для чего в тексте что-либо говорится (мотивационно-целевая составляющая). В публичной коммуникации этот компонент точнее всего характеризуется понятием «социально-психологическая направленность текста» [9]. В настоящее время в судебной психологической экспертизе сформировалось целое направление исследований информационных материалов, а также продуктов коммуникативной деятельности и тех

средств, которые используются в коммуникации – каждое со своим предметом и задачами, решение которых имеет юридическое значение².

Ясно, что создание алгоритма и критериев экспертных оценок данного вида КСПЛЭ – это дело будущего, но уже сегодня можно попытаться определить основные экспертные понятия, подлежащие судебно-экспертному определению.

Юридическое значение психолого-лингвистической экспертизы направленности информационных материалов будет заключаться в квалификации деяний по статьям 110.1 и 110.2 УК РФ. Правовыми понятиями в данном случае являются понятия «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации» и «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства». Совет, указание, информирование, призыв – это те аспекты речевой и коммуникативной деятельности, в том числе речевые акты, которые устанавливаются при лингвистическом исследовании, лингвистическими методами. Содействие понимается как помощь, поддержка, содействие. Способствовать – в том числе значит быть причиной, средством осуществления чего-либо, делать возможным что-либо [2, с. 1251-1252]. Очевидно, что побуждение, содействие может быть эксплицитным, явным, а может быть выражено намеренно скрыто, завуалированно, психологическими средствами, без прямых призывов – особым способом подачи информации, формированием определенного эмоционально-смыслового отношения к самоубийству, инициированием интереса, мыслей, а потом и желания и намерения лишить себя жизни или поиграть со смертью. Экспертным психологическим понятием нам видится *психологическая направленность информационного материала (текста) или коммуникативной деятельности на побуждение адресата к совершению самоубийства*. Такая направленность выражается в формировании у адресата позитивной психологической установки к самоубийству. Компонентами установки являются: на когнитивном уровне – информированность о способах совершения самоубийства, на аффективном – позитивное эмоциональное отношение к самоубийству как приемлемому способу выхода из трудной жизненной ситуации, на поведенческом – готовность к лишению себя жизни, намерение совершить это. Формирование интереса к самоубийству, позитивного эмоционально-смыслового отношения и готовности лишить себя жизни представляются нам психологическими признаками того явления, которое в праве именуется как «побуждение к совершению самоубийства», «содействие совершению самоубийства».

Вопрос к эксперту может формулироваться разными способами. Первый из них: Направлен ли материал на формирование психологической установки к совершению самоубийства, готовности к лишению себя жизни? Общепринятым в психолого-лингвистической экспертизе стало формулирование вопроса таким образом, что в нем отражаются лингвистические и психологические аспекты тех феноменов, которые в праве именуются определенным образом (например, возбуждение вражды, пропаганда насилия и жестокости и мн. др.). Поэтому второй вариант вопроса: Содержатся ли в материале

² Секераж Т.Н. Актуальные направления судебной психологической и комплексных экспертиз с участием психолога в судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Доклад на Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием «Коченовские чтения. Психология и право в современной России», Москва, 10-12 ноября 2016.

психологические (психологические и лингвистические) признаки побуждения к совершению самоубийства?

Следует учесть, что статьи 110.1 и 110.2 УК РФ имеют формальный состав, не требуют определения того, будет или не будет влиять информация на адресата, она направлена на неограниченный круг лиц, неопределенную по численности аудиторию, на ее убеждение и демонстрирование позиции и взглядов, содержащихся в этой информации.

Разумеется, это лишь общие наброски дискуссионного характера, авторы привели эти рассуждения, чтобы показать принципиальную возможность проведения КСПЛЭ по возможным делам о склонении к самоубийству и содействии совершению самоубийства.

Литература

1. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: Учебно-практическое пособие. М.: ИКД Зерцало-М, 2008. 256 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.
3. Вихристюк О.В. Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. № 1. 2013. С. 100-108. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n1/58059.shtml> (дата обращения: 14.06.2017).
4. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации / сост. А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко. М.: МНИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1980. 24 с.
5. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 92-98.
6. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. 352 с.
7. Крылова Н. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36-48.
8. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 224 с.
9. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
10. Леонтьев Д.А. Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4. С. 58-82.

11. *Любов Е.Б.* СМИ и подражательное суицидальное поведение. Часть I // *Суицидология*. 2012. № 3. С. 20-28.
12. *Печерникова Т.П., Туденева Т.Н.* Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза «по факту смерти» // *Российский психиатрический журнал*. 2004. № 2. С. 15-20.
13. *Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева*. В 5 т. Т. II: Преступления против личности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 682 с.
14. *Положий Б.С., Панченко Е.А.* Суициды у детей и подростков в России: современная ситуация и пути ее нормализации [Электронный ресурс] // *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн*. 2012. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 14.06.2017).
15. *Сафуанов Ф.С.* Психолого-психиатрическая экспертиза по факту самоубийства // *Российская юстиция*. 1995. № 12. С. 28-31.
16. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Смысл; Гардарика, 1998. 192 с.
17. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 309 с.
18. *Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г.* Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков // *Консультативная психология и психотерапия*. 2016. Том 24. № 3. С. 8–24. doi:10.17759/cpp.2016240302.
19. *Холмогорова А.Б.* Суицидальное поведение: теоретическая модель и практика помощи в когнитивно-бихевиоральной терапии // *Консультативная психология и психотерапия*. 2016. Том 24. № 3. С. 144–163. doi:10.17759/cpp.2016240309.
20. *Шнейдман Э.* Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.
21. *Щукина Е.Я., Ткаченко А.А., Шишков С.Н.* О практике привлечения специалистов судебно-психиатрических учреждений (отделений) к участию в доследственной проверке материалов (в порядке ст. 144 УПК РФ): информационное письмо. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского», 2011. 8 с.

Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: judicial-psychological examination

Safuanov F.S., Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)

Sekerazh T.N., PhD (Law), Head of the Laboratory of Forensic Psychological & Linguistic Expertise, Federal State Institution Russian Federal Forensic Center of the Ministry of Justice of the Russian Federation (sekerazh@sudexpert.ru)

Federal law of June 7, 2017 g. № 120-FZ "On amendments to the criminal code of the Russian Federation and article 151 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in the part of establishing additional mechanisms to counter activities aimed at encouraging children to suicidal behavior" establishes criminal liability for inducement to commit suicide or assist in its Commission (article 110.1 of the criminal code), as well as for the organization of activities aimed at encouraging citizens to commit suicide (article 110.2 of the criminal code). Two additions to the criminal code include using a publicly performed work, the media or information and telecommunications networks (including network "Internet"). There are new legal consequences relevant to forensic psychological assessment related to suicide. The article analyzes the legal situation (pre-investigation check of materials and incitement to suicide) that define the subject of judicial-psychological or psychological and psychiatric examinations as the mental state of the subject in the period preceding the suicide (death). Legislative innovations require expertise in psychology and linguistics. One of the subjects of psychological-linguistic expertise is the focus of the information material (text, graphic, together verbal and non-verbal information) or the communicative activity of the subject to encourage the addressee to co-concluding suicide. Formulate possible questions for the ex-experts and psychologists.

Key words: suicide; suicidal behavior; promoting suicide; incitement to commit suicide; post-mortem forensic psychiatric examination; comprehensive judicial psychological-linguistic expertise.

References

1. Borzenkov G.N. Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya: zakon i pravo-primenitel'naya praktika: Uchebno-prakticheskoe posobie [Crimes against life and health: law and law enforcement practice: the Training-practical allowance]. Moscow: IKD Zertsalo-M, 2008. 256 p.

2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of Russian language]. In Kuznetsov S.A. (ed.). Saint-Petersburg: Norint, 2000. 1535 p.
3. Vikhristyuk O.V. Vliyanie sredstv massovoi informatsii na suitsidal'noe povedenie podrostkov i molodezhi (obzor zarubezhnykh istochnikov) [Influence of the media on suicidal behaviour in adolescents and youth (review of foreign literature)] [Elektronnyi resurs] // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. № 1. 2013. С. 100-108. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n1/58059.shtml> (data obrashcheniya: 14.06.2017).
4. Diagnostika suitsidal'nogo povedeniya: Metodicheskie rekomendatsii [Diagnosis of suicidal behavior: Methodological recommendations]. In Ambrumov A.G., Tikhonenko V.A. (ed.). Moscow: MNII psikhiiatrii MZ RSFSR, 1980. 24 p.
5. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. Metodika provedeniya sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy po delam ob oskorblenii [Methodology of judicial linguistic expertise in cases of abuse] // Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. 2016. no. 1 (41), pp. 92-98.
6. Kochenov M.M. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: teoriya i praktika. Izbrannye Trudy [Judicial-psychological examination: theory and practice. Selected works]. Moscow: Genezis, 2010. 352 p.
7. Krylova N. «Gruppy smerti» i podrostkovyi suitsid: ugovovno-pravovye aspekty [The "group of death" and teen suicide: criminal-law aspects] // Ugolovnoe pravo. 2016. no. 4, pp. 36-48.
8. Kudryavtsev I. A. Sudebnaya psikhologo-psikhiatriceskaya ekspertiza [the Judicial psikhologo-psychiatric examination]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1988. 224 p.
9. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Metodika provedeniya sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu [The methodology of the forensic psycho-linguistic examination of cases related to counteraction to extremism and terrorism]. Moscow: FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2014. 98 p.
10. Leont'ev D.A. Ekzistentsial'nyi smysl suitsida: zhizn' kak vybor [Existential meaning of suicide: life as a choice] // Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal. 2008. no. 4, pp. 58-82.
11. Lyubov E.B. SMI i podrazhatel'noe suitsidal'noe povedenie. Chast' I [media and imitative suicidal behaviour. Part I] // Suitsidologiya. 2012. no. 3, pp. 20-28.
12. Pechernikova T.P., Tudeneva T.N. Posmertnaya sudebno-psikhiatriceskaya ekspertiza «po faktu smerti» [Post-mortem forensic psychiatric examination "at the death"] // Rossiiskii psikhiatriche-skii zhurnal. 2004. no. 2, pp. 15-20.
13. Polnyi kurs ugovovno prava [A full course of criminal law]. In. Korobeev A.I. (ed.). V 5 t. T. II: Prestupleniya protiv lichnosti [Crimes against the person]. Saint-Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2008. 682 p.
14. Polozhii B.S., Panchenko E.A. Suitsidy u detei i podrostkov v Rossii: sovremennaya situatsiya i puti ee normalizatsii [Suicide in children and adolescents in Russia: current situation and ways

- of its normalization] [Elektronnyi resurs] // *Meditinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn.* 2012. no. 2. URL: <http://medpsy.ru> (data obrashcheniya: 14.06.2017).
15. Safuanov F.S. Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po faktu samoubiistva [the Psychological-psychiatric examination on the fact of suicide] // *Rossiiskaya yustitsiya.* 1995. no. 12, pp. 28-31.
 16. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugovnom protsesse [Forensic psychological expertise in criminal proceedings]. Moscow: Smysl; Gardarika, 1998. 192 p.
 17. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Forensic psychiatric examination: a textbook for academic bachelor degree]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2017. 309 p.
 18. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. Psychological factors of risk of suicidal behavior in adolescents. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 3, pp. 8–24. doi:10.17759/cpp.2016240302. (In Russ., abstr. in Engl.)
 19. Kholmogorova A.B. Suicidal behavior: theoretic model and practical implications in cognitive-behavioral therapy. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 3, pp. 144–163. doi:10.17759/cpp.2016240309. (In Russ., abstr. in Engl.)
 20. Shneidman E. *Dusha samoubiitsy* [Soul of a suicide]. Moscow: Smysl, 2001. 315 p.
 21. Shchukina E.Ya., Tkachenko A.A., Shishkov S.N. O praktike privlecheniya spetsialistov sudebno-psikhiatricheskikh uchrezhdenii (otdelenii) k uchastiyu v dosledstvennoi proverke materialov (v poryadke st. 144 UPK RF): informatsionnoe pis'mo [On the practice of involving specialists in forensic psychiatric institutions (branches) to participate in pre-investigation check of materials (in accordance with article 144 of the criminal procedure code of the Russian Federation): information letter]. Moscow: FGBU «GNTsSSP im. V.P. Serbskogo», 2011. 8 p.